

ФОНОВАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МИРООТНОШЕНИЯ В ЧЕХОВСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Изучение творчества А. Чехова традиционно акцентируется на тотальном скепсисе, охватывающем в мире писателя все уровни бытия - и религию, и социальное устройство общества, и перспективы человека. Этот универсальный закон мира Чехова, а также многочисленные личные скептические высказывания писателя на религиозные темы, казалось бы, не дают оснований для постановки проблемы Бога как утверждающего начала в контексте чеховского творчества. Однако анализ картины мира, созданной писателем, приводит к выводу о том, что Бог и вера являются важнейшими конструктивными компонентами чеховского мироздания, и в этом смысле творчество Чехова не составляет исключения в ряду русской литературы 19 века, глубоко связанной с идеей Бога.

Вопросы религии и веры ставятся Чеховым не теологически (как у Достоевского или Толстого), а этически, нравственно и эстетически. Учитывая то, что в мире Чехова все проходит проверку жизнью, непосредственным бытием, можно также говорить об онтологической постановке проблемы религии у Чехова, далекого, в силу особенностей своего таланта, от умозрительных, абстрактных сущностей.

Идея Бога в чеховской картине мира никогда не выходит на верхний событийно-сюжетный план произведения, но она ощутимо присутствует в интертекстуальной реальности - как фон. Слово Бог - одно из наиболее употребляемых Чеховым фоновых слов, но употребляемых не в собственно теологическом, а в бытийном, онтологическом смысле. Наиболее глубокий слой бытия в мире Чехова - это бытие нации, народа. И хотя на поверхности народной жизни - рябь и муть социальных деформаций, из глубины народной жизни мерцает свет веры. Понятие Бог в контексте народного бытия всегда соотносится с понятиями совесть и правда, придавая им, таким образом, психологическую конкретность, а с другой стороны - наполняя умозрительную абстракцию (Бог) содержанием реальной земной жизни. Закономерно, что народные герои у Чехова - всегда глубоко верующие люди. Герои ходят в церковь, молятся, когда им тяжело, и в отношении церковной обрядности мы не видим целенаправленной концентрации

скепсиса. Наоборот, молитва, обращение к Богу у Чехова - знак духовности и нравственной высоты.

Церковь в мире Чехова несет в себе благодать. Тональность описаний церковей - как правило, теплая, мягкая. Церковь в рассказах Чехова - это всегда красота: сияние куполов, колокольный звон, пение. На образе церкви нет ни одного темного пятна, и ее хронотоп в контексте чеховского творчества - всегда положительно окрашен.

Функция пейзажа наиболее важна для выяснения поставленной проблемы. Несколько парадоксальным кажется то, что Чехов - писатель сумерек - в то же время мастер яркого ликующего пейзажа. Интересен контрастный принцип организации художественного мира у Чехова: чем страшнее и безобразнее то, что творят люди, - тем ярче и жизнерадостнее фон этих событий, природа. Роскошь, пышность, многокрасочное сияние мира, явленное в мире Чехова, сродни эстетике православия, выражающейся в пышности оформления храмов, в ликующих интонациях церковных служб.

С эстетикой православия связана и та страстная жажда жизни, которая звучит у Чехова постоянно. Даже женская красота - извечный искус человека - вызывает не агрессивно-собственнические желания, а изумление и молитвенное преклонение перед совершенством мироздания. В мире Чехова нет апологетики страдания и религиозного отшельничества. Писатель всю жизнь боролся с культом страдания, созданным Достоевским. Поскольку Бог растворен в мире, служение ему, по Чехову, - это и есть собственно жизнь с полным спектром переживаний и чувств.

Однако ликование, радость бытия в мире Чехова - явление фоновое. Оно изначально приеуще миру, жизни, но человек в силу своего несовершенства - лени, неспособности к душевной работе - чаще всего не причастен этому празднику жизни. Скепсис Чехова никогда не разливается широко, он локализован именно на человеческой слабости и, следовательно, сконцентрирован на верхнем событийно-сюжетном уровне художественного мироздания. Поэтому скепсис столь очевиден и конкретен, и он заслоняет собой жизнеутверждающее божественное начало жизни, явленное как фон в чеховской картине мира.